

На ночном рынке толпился в основном случайный люд. Нин Сянлан, быстро оглядевшись по сторонам, не заметил ни одного знакомого лица и с дружелюбной улыбкой встретился взглядом с торговцем.

Тот под этим лукавым детским прищуром почему-то сразу занервничал.

— Вы утверждаете, что эту вещицу ваши предки подняли со дна моря? — невинным тоном поинтересовался Нин Сянлан, уставившись на товар.

Торговец попытался напустить на себя важный вид и вздернул подбородок:

— Именно так! Самое что ни на есть морское сокровище!

— Что ж, фарфор со дна моря — действительно весьма популярное направление среди коллекционеров, — рассудительно заметил мальчик.

Торговец окончательно осмелел:

— А то! В стародавние времена вся торговля с заморскими странами шла исключительно по воде. А мореходство — дело опасное, шторма да бури... Налетит шальная волна — и поминай как звали, весь корабль камнем на дно! И тысячи изящнейших ваз да чаш, шедших на экспорт, отправляются на корм рыбам. Вот как раз прапрадед моего дедушки...

Видя, что пронира готовится во всех красках расписать очередную семейную легенду, Нин Сянлан мягко прервал его:

— Повторюсь: история ваша, быть может, чистая правда. Вот только вещица фальшивая."

Торговец аж побагровел и злобно зыркнул на него:

— А ну брысь отсюда! Иди к мамке, сопляк, молоко на губах не обсохло, а туда же — старших учить! Не мели чепухи!

— Экспортный фарфор действительно расписывали самыми разными сюжетами, — ничуть не смутившись, звучным голосом продолжил Нин Сянлан. — От привычных нам горных пейзажей, цветов, птиц и рыб до затейливых узоров по индивидуальным заказам иностранных господ. С этим спорить глупо, тут всё сходится.

Толпа, привлеченная уверенным тоном ребенка, рассуждавшего как заправский знаток, заметно оживилась. Кто-то из зевак с любопытством выкрикнул:

— Малец, коли так, в чѐм же тогда подвох?

Нин Сянлан скользнул взглядом по соседним прилавкам. Внезапно его глаза задорно блеснули. Он подошел к соседней палатке и указал на скромную пиалу, украшенную сине-белым цветочным узором с переплетенными лотосами:

— Позвольте взглянуть поближе?

Хозяйкой товара оказалась совсем молоденькая девушка лет семнадцати-восемнадцати. Простая белая блузка, толстая длинная коса, перекинутая через плечо — судя по всему, обычная студентка. Внезапный наплыв любопытных заставил её смутиться.

— Конечно... смотри, малыш, — робко пролепетала она, слегка покраснев.

Одарив её дружелюбной улыбкой, Нин Сянлан бережно взял пиалу в руки.

— А откуда у вас эти вещи? — мягко спросил он, аккуратно поворачивая изделие на свету.

Почувствовав искренний интерес и теплоту, исходящую от мальчика, девушка немного расслабилась, хотя в её голосе зазвучала тихая грусть:

— Если честно, я и сама толком не знаю. Отец рано ушел из жизни... Ничего после себя не оставил, кроме этого сундука со старьем. — Она тяжело вздохнула, её взгляд потускнел. — Недавно бабушка тяжело заболела. Мама совсем выбилась из сил, ухаживая за ней, здоровье подорвала. Вот и отправила меня сюда — продать отцовское наследство, чтобы хоть как-то наскрести на лекарства и больницу.

Несмотря на обрушившиеся невзгоды, в глазах сироты читалась стойкость. Нин Сянлан не стал уязвлять её неуместной жалостью. Вместо этого он аккуратно провел пальцем по внутренней стенке чаши и повернулся к обступившим его людям:

— Вот, поглядите. Перед вами — подлинный фарфор со дна моря. Из-за десятилетий, а то и веков под водой, под воздействием соли и течений его поверхность теряет глянцевую гладкость, становится шероховатой, матовой на ощупь. А теперь вспомните ту фальшивку с соседнего лотка. Там следы старения сделаны нарочно, притом крайне неумело. В чем же главная нелепость? Торговые суда терпели крушение, везя совершенно новые, только что из печи изделия. Они не должны нести следов бытового износа! А тот умелец так старался навести благородную патину, что добавил царапины от долгого использования. Глупость несусветная, чистой воды халтура.

— И только-то? — недоверчиво спросил кто-то из толпы. — По одним лишь царапинам судишь?

— Если вам нужны более веские доказательства — подойдите и потрогайте сами, — улыбнулся

Нин Сянлан. — Фарфор, пролежавший на морском дне века, буквально пропитывается солью. Как бы тщательно его ни отмывали, на поверхности всё равно останутся микроскопические кристаллики. Кожа сразу почувствует эту едва заметную, характерную бугристость.

Слушатели заворуженно закивали, увлеченные рассказом. Вдруг один из мужчин удивленно огляделся вокруг:

— Постойте-ка... А где наш великий сказочник с его прапрадедовым добром?

Люди принялись крутить головами. И точно — незадачливый делец уже успел спешно сгрести свои пожитки в мешок и теперь мелкими перебежками пытался затеряться в толпе на выходе с рынка!

Толстяк Су радостно пихнул друга в бок, сияя от восторга:

— Сяо Лан, ну ты даешь! Вон как улепetyвает! Бежал без оглядки!

Нин Сянлан повернулся к притихшей студентке и негромко произнес:

— Сестра, твои вещи — настоящие, они стоят немалых денег. Не стоит продавать их на ночном рынке. Здесь легко нарваться на воришек или обманщиков, одной тебе не уследить. Лучше отнеси их в солидную антикварную лавку с хорошей репутацией.

Стоящие рядом покупатели тут же зашумели, задетые за живое:

— Эй, малец, обижаешь! Мы же все тут честные люди! Девочка, никуда не уходи. Мы сами присмотрим, чтоб тебя никто не обсчитал. Поможем выгодно сторговаться!

— И то верно! Семье деньги на лекарства нужны, а перекупщики в лавках три шкуры сдерут, за бесценок заберут. Мы сами у неё всё купим! Давайте, народ, открытые торги! Чур, цену не сбивать и сироту не обижать!

В толпе мгновенно вспыхнул азарт. Один за другим начали раздаваться выкрики, перебивающие ставки друг друга. Цена на скромную пиалу росла прямо на глазах.

Сыграв роль невольного зазывалы, Нин Сянлан заговорщицки подмигнул ошеломленной стремительным взлетом цен девушке. Пользуясь тем, что из-за малого роста его легко потерять из виду, он схватил Толстяка Су за рукав и юркнул в густые тени торговых рядов.

Если еще вчера Толстяк Су до зубовного скрежета ненавидел Нин Сянлана — этого вечного «сына маминой подруги», которого ему всегда ставили в пример, то теперь он смотрел на друга с благоговейным трепетом.

— Сяо Лан, ну ты и голова! — выдохнул толстяк, едва они перевели дух в тихом переулке. — Вот это класс!

Ложная скромность никогда не входила в число добродетелей Нин Сянлана. Он с довольным видом принял заслуженную похвалу:

— А то! Стал бы мой дед тратить время на бездаря. Кровь не водица!

Сяо Шэн лишь завистливо вздохнул, тихо проворчав что-то невнятное.

Нин Сянлан целенаправленно повел приятеля к заветной лавке, над входом в которую покачивались связки сушеных табачных листьев.

Внутри царил привычный полумрак. Казалось, тусклый свет керосиновой лампы горел здесь одинаково бледно в любое время суток. На сей раз старик отложил свою длинную трубку в сторону. Склонившись над столом, он сосредоточенно вырезал что-то на небольшом бруске.

Подойдя ближе, Нин Сянлан разглядел в его руках кусок великолепной бирюзы размером с детскую ладонь. Самородок небесно-голубого оттенка обладал на удивление чистым, мягким и ровным цветом. Настоящее сокровище.

От такого зрелища у мальчика захватило дух. Не в силах оторвать взгляд, он потянул Толстяка Су за собой и тихонько присел на корточки у края стола, затаив дыхание и боясь упустить хоть одно движение резца.

Но больше всего воображение Нин Сянлана поразил даже не ценный минерал, а разложенный на столе инструмент.

В аккуратных деревянных пеналах ровными рядами покоились резцы и шлифовальные насадки самых причудливых форм: дисковые, каплевидные, конусообразные, игольчатые... Каждая разновидность была тщательно подобрана по размеру и калибру. Беглый подсчет заставил мальчика содрогнуться от почтения: здесь было не меньше сотни тончайших инструментов. Поразительная, невероятная щепетильность истинного мастера!

Нин Сянлан не мигая следил за сухими, жилистыми руками резчика.

Движения старика завораживали. Резец в его пальцах скользил по твердому камню легко и плавно, будто по мягкому воску. Никаких сомнений, перед ними был величайший виртуоз своего дела. С каждым прикосновением стального жала от бруска отделялись тончайшие чешуйки, и постепенно из бесформенного куска бирюзы начали проступать очертания будущей фигурки.

Нин Сянлан внутренне ахнул: мастер замахнулся на самое сложное — на человеческий силуэт.

Старик, конечно же, сразу заметил незваных гостей. Поймав задумчивый взгляд притихшего мальчика, он на мгновение замер, поднял голову и спросил:

— Понял уже, кого я из этого камня выпускаю на свет?

Минерал пока лишился лишь лишних углов, и непосвященный человек увидел бы в нем лишь грубо обтесанную глыбу. Осознав, что едва не выдал себя, Нин Сянлан поспешно замотал головой:

— Нет-нет, дедушка, откуда мне знать!

Старик пристально посмотрел на ребенка, словно пытаясь прочесть его мысли, но промолчал и вновь углубился в работу.

Его пальцы двигались со сверхъестественной точностью и быстротой. Даже далекий от искусства Толстяк Су сидел затаив дыхание, замороженный этим священнодействием. Что уж говорить о Нин Сянлане — для него возможность воочию наблюдать за работой мастера такого уровня была бесценным даром.

Оба мальчика, забыв обо всем на свете, во все глаза смотрели, как под ударами невидимого резца бездушный камень оживает, обретая плоть и душу.

Хотя фигурка едва достигала размеров ладони, кропотливая работа заняла больше двух часов. Когда из голубого сияния наконец проступил силуэт даосского монаха в развевающихся одеждах, мальчишки попытались подняться, но тут же беззвучно застонали: затекшие ноги наотрез отказались их слушать, отозвавшись тысячей колких иголок.

Глядя на то, как дети смешно кривятся, пытаясь удержать равновесие на ватных ногах, старик сухо усмехнулся:

— А вы настойчивые. Не каждый взрослый высидит.

— Дедушка, вы просто волшебник! — искренне восхитился Толстяк Су.

Нин Сянлан горячо закивал:

— Это чистая правда, у вас золотые руки!

Старик окинул их пронизательным взглядом и невозмутимо поинтересовался:

— А домой вам, стало быть, не нужно?

Нин Сянлан застыл.

Толстяк Су глупо захлопал глазами.

«На часах без пяти полночь. Нам конец»

Понимая, что отпускать двоих детей одних в глухую ночь небезопасно, старик обернулся вглубь лавки и негромко позвал помощника:

— Немой, проводи-ка малых до дома. — Переведя строгий взгляд на притихших приятелей, он добавил: — Растрезвонили на весь рынок о фальшивках, потешили самолюбие... А головой подумать забыли? Что, если бы те мошенники вас подкараулили? Много бы вы навоевали своими детскими кулачками? Немой говорить не может, зато постоять за вас сумеет. Ступайте за ним.

Нин Сянлан обомлел.

Оказывается, старик видел всю их уличную сцену от начала до конца!

Холодная волна страха окатила мальчика. Он слишком привык в прошлой жизни быть знаменитым экспертом Ци Тяньцзяо, к чьему мнению беспрекословно прислушивались и чьё покровительство искали. Он напрочь забыл, что сейчас он — всего лишь беззащитный шестилетний ребенок.

Если бы обманутые торговцы решили выместить злость на него и Толстяка Су, последствия могли быть катастрофическими.

— Спасибо за науку, дедушка, — искренне произнес Нин Сянлан, вежливо поклонившись. — Мы больше не будем так глупо рисковать.

Толстяк Су, хоть и не до конца понял суть опасности, поспешно повторил жест друга и закивал.

Старик едва заметно кивнул, отпуская их.

Немой жестом указал мальчикам следовать за ним и молча зашагал к выходу.

Едва они вышли на улицу, Толстяк Су потянул Нин Сянлана за рукав и зашептал на ухо:

— Сяо Лан, ты видел? У этого дедули на левой руке лишний палец! Прямо рядом с мизинцем!

Нин Сянлана будто током ударило. Шестипалый?

Он так увлекся созерцанием старинных инструментов и виртуозной резьбы, что упустил эту деталь из виду!

В памяти мгновенно всплыло легендарное имя — Пяньчжи Ци. «Шестипалый Седьмой». Величайший мастер, чье искусство реставрации древних реликвий граничило с чудом. Он исчез внезапно, много лет назад, оставив после себя лишь ворох слухов и искреннее сожаление знатоков антиквариата.

В своей прошлой жизни Нин Сянлан вращался в высших кругах коллекционеров, и многие старые специалисты не раз вздыхали, сокрушаясь об утрате такого гения.

Уже позже Нин Сянлан узнал, что прозвище «Пяньчжи Ци» поначалу было злой насмешкой завистливых сородичей над его физическим недостатком. Однако, когда мастер прославился на всю страну, это имя превратилось в знак глубочайшего уважения, а те, кто когда-то глумился над ним, кусали локти от стыда.

Если память не изменяла Нин Сянлану, истинное имя мастера было связано со столичным кланом Чжу, а его таинственное исчезновение как-то переплеталось с семейными распрями.

Неужели судьба свела его с живой легендой?

Сердце мальчика взволнованно застучало. Изо всех сил стараясь казаться равнодушным, Нин Сянлан тихо спросил:

— Надо же, а я и не заметил. Ты уверен, что тебе не показалось?"

Сяо Шэн гордо выпятил грудь:

— Обижаешь! Глаз у меня как у орла!

Нин Сянлан мельком взглянул на широкую спину безмолвно идущего впереди Немого и небрежно заметил:

— Что ж, тогда этот дедушка вдвойне невероятен. Иметь лишний палец и при этом творить такое чудо...

— Вот и я о том же! — горячо поддержал толстяк.

Видя, что Толстяк Су окончательно расслабился, Нин Сянлан с мягкой улыбкой решил вернуть его с небес на землю:

— Кстати, друг мой... Время полночь. Ты уже придумал, что скажешь отцу, когда переступишь порог?

Физиономия Толстяка Су мгновенно вытянулась, а румянец сошел с лица.

На душе у Нин Сянлана сразу потеплело. Страдать в одиночестве — удел слабых, разделенная же тревога приносит истинное облегчение.

Немой безмолвно довел их до ворот заводского общежития и остановился у будки охранника, провожая взглядом юных полуночников.

Поскольку их дома находились в разных частях жилого квартала, мальчишки с тяжелым сердцем распрощались на развилке и разошлись по своим дворам.

Подойдя к своей двери, Нин Сянлан сдул пылинку со связки ключей и попытался провернуть замок как можно тише. Стараясь не издать ни единого шороха, он скользнул в полутемную прихожую, в глубине души лелея робкую надежду, что родители давно видят десятый сон.

Но стоило ему сделать шаг, как иллюзии развеялись в прах. В гостиной горел яркий свет. В кресле, скрестив руки на груди, сидел мрачнее тучи его отец, Нин Аньго.

Нин Сянлан понял: расплаты не избежать.

— Пап... — едва слышно пролепетал мальчик, изображая крайнюю степень раскаяния.

Нин Аньго, давно наблюдавший за этими воровскими маневрами сына, от этого жалобного писка разозлился еще сильнее.

«Малец совсем от рук отбился! Шесть лет от роду, а шляется черт знает где до полуночи. Не проучишь сейчас — дальше вообще на шею сядет!»

— А ну-ка подойти сюда, — ледяным тоном скомандовал отец.

<http://bllate.org/book/20435/2140771>